

Н.Н. Трошина

**СТИЛЕВАЯ СИСТЕМА КУЛЬТУРЫ И ПУБЛИЧНЫЙ
ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, troshinat@mail.ru*

Публичный дискурс стилистически изменяется под влиянием инноваций в культурной парадигме. С этих изменений начинается процесс трансформации всей стилиевой системы лингвокультурного сообщества, так как именно данный вид дискурса свидетельствует о степени коммуникативной свободы субъекта культурной парадигмы. Проблема рассматривается на материале публичного немецкого дискурса эпохи коренных геополитических трансформаций в конце XX – начале XXI в.

Ключевые слова: стилиевая система лингвокультуры / культуры; культурная парадигма; публичный дискурс; моностилистическая / полистилистическая культура; языковая / социокультурная ситуация.

Поступила: 16.04.2017

Принята к печати: 03.05.2017

N.N. Troshina

**Stylistic system of languaculture and public discourse in the conditions of
social and cultural transformation of the society**

*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of sciences
Moscow, Russia, troshinat@mail.ru*

Public discourse changes stylistically under the impact of innovation in the cultural paradigm. With these changes the process of stylistic transformation of the entire system of the language and cultural community is initiated, because this kind of discourse is indicative of the degree of communicative freedom of the subject of the cultural paradigm. The problem is considered on the basis of the German public discourse

during the period of the indigenous geopolitical transformations in the late XX – early XXIst centuries.

Keywords: stylistic system of languaculture / culture; cultural paradigm; public discourse; monostylistic / polystylistic culture; language / socio-cultural situation; communicative order.

Received: 16.04.2017

Accepted: 03.05.2017

Под стилевой системой лингвокультуры понимается совокупность лингвопрагматических требований, предъявляемых в данном лингвокультурном сообществе к коммуникации в различных сферах. Наиболее четкие требования к речевому поведению, соответствующие устоявшимся культурным стандартам, предъявляются к коммуникации в публичной сфере. Однако в условиях масштабных геополитических трансформаций, происходящих не только в политической, экономической и социальной сферах, но и в культурной, эти требования пересматриваются и изменяются. Наступающие изменения проникают в культурную парадигму, определяющую общую (а не только лингвокультурную) стилевую систему общества.

Дефиницию культурной парадигмы как культурного кода, определяющего мировоззрение, мышление и поведение людей, дает в своей диссертации Н.Б. Бакач, выделяя следующие структурные элементы этой парадигмы.

«1. Субъект – творец и носитель культурной парадигмы. Это конкретные люди, объединенные общей социокультурной эпохой, одним временем, в котором они живут и осуществляют свою культуротворческую деятельность¹.

2. Общность жизни, судьбы, культурно-исторической миссии данного субъекта, которые находят свое выражение в ведущем типе отношений при решении общих смысложизненных задач.

3. Наличие общей социокультурной эмоции, общего жизненного настроения.

4. Самосознание субъекта культурной парадигмы, связанное с обретением самоидентичности, истинных смыслов своего социокультурного бытия.

¹ Ср. точное замечание Л.В. Скворцова: «В зависимости от того, как народ формирует смысловую семантику своей жизни, он выносит приговор самому себе» [Скворцов, 2016, с. 270]. Таким образом, в культурной парадигме сформулированы смысловые приоритеты данного культурного / лингвокультурного сообщества.

5. Особая ценностная иерархия, система значимостей базовых ценностей для решения жизненных задач субъекта культурной парадигмы.

6. “Духовные лидеры” эпохи, так называемые великие люди своего времени, процесс самоидентификации которых изоморфен такому процессу в отношении всей эпохи. Это люди, которые дают эпохе возможность осознания себя, дают слова для самоназвания эпохи, формулируют и декларируют те смысложизненные задачи, способы решения которых являются стержнем культурной парадигмы.

7. Культурный герой эпохи – не столько реальный живой человек, именующий собой эпоху, сколько образ-идеал, выступающий для эпохи образцом стиля жизни.

8. Единый, общий для всей эпохи символический ряд – набор “паролей” эпохи, набор ключевых слов и вещей, общий тип семиотических отношений.

9. Парадигмальные (прецедентные, или репрезентативные) тексты, выступающие ведущим мифом эпохи» [Бакач, 1998, с. 11–12].

В этом перечне отражены характеристики социокультурной ситуации, определяющие особенности речи в данном лингвокультурном сообществе в данное время. Содержание восьмого и девятого элементов, подчеркивающих значимость языкового воплощения культурной парадигмы, предполагает не только анализ главных лозунгов эпохи и ее ключевых слов, но и учет того, какие типы смыслов выводятся на первый план общения, как они вербализуются и воспринимаются членами общества в плане соответствия / несоответствия языковой норме. В связи с этим важно, какая норма оказывается актуальной для данного лингвокультурного сообщества в данное время, какие явления в речевой практике постепенно получают статус нормативных в данной социокультурной ситуации, одним из важных параметров которой является коммуникативный уклад жизни общества [Мечковская, 2009, с. 516].

Под этим укладом имеется в виду соотношение коммуникационных сил, представленных основными каналами информации (радио, телевидением, печатной прессой, Интернетом, видеопродукцией), оказывающих интенсивное воздействие на все структурные элементы культурной парадигмы. Иными словами, коммуникативный уклад жизни общества является механизмом реализации культурной парадигмы общества, языковую ситуацию

в котором он также в значительной степени обуславливает и формирует. Языковая ситуация – это «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-территориальных образований, а также социальные установки, которых придерживается в отношении указанных систем население, проживающее на описываемых территориях» [Язык и общество, 2016, с. 636]. Значимость общественного контекста для понимания языковой ситуации подчеркивается в определении, которое предлагает немецкий социолингвист Ю. Шарнхорст: «Языковая ситуация – это та общественная ситуация, в которой находится язык в определенной стране или на определенной территории в течение определенного хронологического периода при определенных политических, социальных, экономических и, особенно, культурных условиях» [Scharnhorst, 1995, S. 19].

Электронные СМИ, получившие в эпоху глобализации и коренных геополитических перемен широкое распространение, сделали возможным появление в публичной сфере людей различного культурного уровня и, следовательно, различного уровня языковой и дискурсивной компетенции, высказывающихся по самому широкому кругу проблем. Это не могло не привести к изменению социокультурных характеристик публичного дискурса, с чего начинаются изменения в стилевой системе лингвокультуры. В этом процессе вербально проявляется демократизация публичного дискурса, что весьма остро ощущается членами лингвокультурного сообщества, вызывая, однако, различное отношение к дискурсивным инновациям. Последнее связано с языковой рефлексией, т.е. с неосознанным уровнем знаний человека о своей речи и ее единицах. Нередко этот феномен определяется как «языковое чутье», т.е. как оценка своего владения языком в определенной коммуникативной ситуации [Трошина, 2010, с. 15], как «сумма знаний о языке, полученная в результате бессознательного обобщения многочисленных фактов речи. Но как только возникает препятствие в речевом механизме и механизм начинает осуществлять контроль и регуляцию речевой деятельности, эти знания о языке получают вербальную экспликацию. <...> Эта осознанная экспликация языкового чутья <...> присуща всем без исключения говорящим; раз-

личие лишь в качественном и количественном отношениях» [Вепрева, 2002, с. 53].

Речевое поведение человека и целых социальных групп, прежде всего в публичной сфере, в значительной степени определяется стилевой системой культуры во всех ее аспектах, т.е. «типом организации субъектности в рамках данного культурного целого, детерминированным социально-исторической основой его бытия» [Устюгова, 2006, с. 192]. Основными в такой трактовке стилевой модели культуры являются субъект / индивид и степень его подчиненности определенной системе коммуникативных правил. «Стилевая система выражает меру смысловой альтернативности, присущей определенному типу культуры, ее диалогичности, указывающей на субъектов диалога, общение которых обеспечивается стилевой самоорганизацией культуры» [Устюгова, 2006, с. 193]. В общении субъектов в рамках данной культуры выявляется, какой степенью коммуникативной свободы они реально располагают, т.е. насколько они свободны в следовании своим ценностям и в возможности демонстрировать их окружающим. В монографии Л.Г. Ионина «Социология культуры» [Ионин, 1996] доказывается, что именно степень прескриптивности стиливых параметров общения определяет степень коммуникативной свободы членов культурного сообщества во всех сферах его жизни. В этом плане большой интерес представляет социокультурная концепция стиля, разработанная названным автором и связавшая понятие коммуникативной / дискурсивной свободы личности с понятиями моно- и полистилизма культурной парадигмы общества.

О *моностилистическом характере культуры*, по Л.Г. Ионину, можно говорить в том случае, если ее элементы обладают связностью и активно разделяются либо пассивно принимаются всеми членами общества. Такая культурная схема предписывает универсальную модель интерпретации всех общественных феноменов, исключает определенные феномены из поля зрения членов общества как неаутентичные для данной культуры. Другие феномены она предписывает воспринимать как чуждые и подает их упрощенно, чтобы они были «понятны» членам общества. «Такие культурные системы служат схемой интерпретации всех событий и фактов человеческой истории и одновременно инструментом легитимации существующего социального порядка» [Ионин, 1996, с. 181–182]. Для моностилистической культуры характерны стро-

гая иерархия жанровых и стилистических норм коммуникации во всех сферах жизни общества, требование их неукоснительного соблюдения всеми его членами.

Полистилистическая культура формируется вследствие экономической дифференциации общества, появления в нем различных субкультур, каждая из которых обладает своими образцами поведения, символами, ценностями, нормами и равными правами с другими субкультурами [Дубинина, 2012], т.е. «полистилизм характеризует разобщенную и специализированную ментальность современного общества» [Дубинина, 2012, с. 84]. Цитированные авторы, однако, отмечают, что разделение культур на моно- и полистилистические не означает их жесткого противопоставления, так как в реальности речь может идти лишь о превалировании какого-либо типа на данном хронологическом этапе в жизни данного культурного сообщества или о постепенном смещении стилевой системы культуры в сторону моно- или полистилизма [Troschina, 1995].

В таком случае возникает вопрос о том, как долго может существовать / превалировать одна и та же культурная парадигма. Автор «метода поколений» Х. Отрега-и-Гассет отвечает на этот вопрос, обращаясь к периодичности смены поколений [цит. по: Бакач, 1998, с. 15]. Он пишет, что поколения как активно действующие и реально творящие культуру субъекты сменяют друг друга каждые 15 лет. Однако следует, по мнению Н.Б. Бакач, учитывать инерцию культуры, ее консервативность, что замедляет скорость смены культурных парадигм. Поэтому Н.Б. Бакач оценивает продолжительность сохранения одной и той же культурной парадигмы в два поколения, т.е. в 30 лет [Бакач, 1998, с. 15–16].

За последние 30 лет, т.е. с конца 80-х годов XX в., в мире произошли серьезные геополитические изменения, существенно повлиявшие на культурную парадигму, прежде всего в тех странах, которые оказались в наибольшей степени затронуты этими изменениями, – в России и в странах Центральной и Восточной Европы, в том числе – и даже прежде всего – в Восточной Германии. Уход с политической сцены целого государства – ГДР – и объединение его с ФРГ «стало самым неожиданным и неподготовленным эпизодом крушения социалистической системы в Европе и поворота к рыночной экономике и демократическому обществу. Не только в дискуссиях российских исследователей, но и в высказываниях западных экспертов в конце 80-х звучала мысль: объе-

динение неизбежно, но оно не стоит в сегодняшней повестке дня» [Гутник, 2001, с. 38]. Однако это объединение произошло после того, как осенью 1989 г. на улицах Берлина, Лейпцига, Магдебурга, Росток и Эрфурта появился лозунг *Wir sind das Volk!* (Мы – народ!¹), *Wir sind ein Volk!* (Мы – единый народ!).

Использование этнического понятия «народ» привело к разрушению рамок публичного дискурса ГДР и к переходу к общегерманскому дискурсу. Это было краткое время революционного обновления, которое, как заявила в своей речи 4 ноября 1989 г. в Берлине на Александерплац известная писательница Криста Вольф, «должно было поставить социалистическое общество с головы на ноги» [Wolf, 1989 – эл. ресурс; Wolf, 2008, S. 297]. Это революционное движение было связано, как подчеркнула Криста Вольф, с освобождением языка: *Jede revolutionäre Bewegung befreit auch die Sprache. Was bisher so schwer auszusprechen war, geht uns einmal frei über die Lippen* (Каждое революционное движение освобождает и язык. То, что до сих пор было невысказано, вдруг стало говориться совершенно свободно) [Wolf, 1989 – эл. ресурс; Wolf, 2008, S. 297].

Начиная с осени 1989 г. в Восточной Германии стали меняться коммуникативный уклад и стилевая система культуры – от моностилистической культуры (с ее жестко прескриптивными требованиями к выбору обсуждаемых тем, к жанру таких обсуждений, к выбору лексики в ходе обсуждений) к полистилистической культуре, для которой характерна большая личная свобода в публичной коммуникации. Резко изменился стиль таких жанров публичного дискурса, как лозунги и речевки, которые обнаружили невероятную креативность в использовании языка. При этом «саркастический язык протеста» [Klein, 2014, S. 27] можно было адекватно истолковать только на фоне синхронных им исторических изменений и на фоне речевых штампов, принятых в ГДР. Например, лозунг времен ГДР *So wie wir heute arbeiten, werden wir morgen leben!* (Как мы сегодня работаем, так мы будем жить завтра!) был переформулирован в лозунг *So wie wir heute demonstrieren, werden wir morgen leben!* (Как мы сегодня ходим на демонстрации, так мы будем жить завтра). Знаменитый призыв Карла Маркса *Proletarier aller Länder, vereinigt euch!* (Пролетарии всех стран, соединяйтесь!) зазвучал как *Proletarier aller Länder, verzeiht mir!!*

¹ Здесь и далее перевод мой. – Прим. авт.

(Пролетарии всех стран, простите меня!). Демократическая оппозиция создавала новый публичный дискурс, в котором активно использовался фразеологический материал устного народного творчества и речевого наследия эпохи социализма.

Следует отметить, что публичный дискурс после ухода ГДР изменился не только в вербальном, но и в общесемиотическом плане, что проявилось, например, в новых трактовках праздничных мероприятий, т.е. в их де-ритуализации (Deritualisierung) [Hoffmann, 2010]. Например, если в официальном дискурсе ГДР праздник «1 Мая» интерпретировался как «день борьбы» (Kampftag), то после основополагающих политических и экономических преобразований (Wende) он стал государственным праздником (Staatsfeiertag). Это, однако, не привело к полной смене сценария этого праздника: «Сценарий, в основном, сохранился, так как его культурный код связан с традициями немецкого рабочего движения» [Hoffmann, 2010, S. 133]. На этом фоне были особенно заметны инновации в языковом оформлении первомайских шествий – в отказе от ритуальных текстов эпохи ГДР, что позволяет говорить о языковой деритуализации праздника «1 Мая» [Hoffmann, 2010, S. 195]. Сравним тексты, опубликованные в газете «Neues Deutschland» накануне первого мая:

29.04.1987:

Morgen, am Kampftag der internationalen Arbeiterklasse, werden wir demonstrieren – für das Wohl des Volkes, für die Sicherung des Friedens, für Verwirklichung der Beschlüsse des XI Parteitages.

Dabei wird überall Kunde gegeben von dem, was wir gemeinsam erreichten. Die DDR ist heute ein hochleistungsfähiger Staat, dessen ökonomische Ergebnisse in der ganzen Welt anerkannt werden.

Beispiellos in der Geschichte unseres Volkes sind unsere Sozialpolitik und ihre Früchte.

29.04.1987:

Zavtra, в день борьбы международного рабочего класса, мы выйдем на демонстрацию за: благосостояние нашего народа, сохранение мира, выполнение решений XI съезда партии.

Широко заявим о том, чего мы добились общими усилиями. ГДР сегодня – это высокоэффективное государство, хозяйственные успехи которого признаны во всем мире.

Беспримерны в истории нашего народа успехи в области социальной политики и ее плоды.

30.04.1990:

Der 1. Mai.

Es liegt so etwas Fröhlich-Erquickliches in dem Worte, und wir denken dabei sogleich an tausenderlei Angenehmes und Schönes...
и захватывающее в этом слове, и мы сразу же думаем о тысяче разных приятных и красивых вещей...

Als Charles Dickens dies notierte, existierte der 1. Mai als Feiertag noch nicht. Aber es gab eben die Vision vom natürlichen Erwachen, die Assoziation zu Leben und Befreiung. Eine menschliche Ahnung, die sich mit der schon Hoffnung auf eine Gemein-schaft freier und gleicher Menschen traf.

Когда Чарльз Дикенс это написал, 1 Мая еще не существовало. Но уже издавна существовало представление о майском пробуждении, некая ассоциация с жизнью и освобождением. Человеческое предчувствие, которое с пролетарской надеждой смыкалось на общество свободных и равных людей.

Креативность публичного дискурса ярко проявлялась также в использовании пословичного фонда немецкого языка: *Was Hän-schen nicht gelernt, lernt Hans nimmermehr* (соответствует русской пословице «Чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван») > *Was Krenzchen nicht gelernt, lernt Krenz nimmermehr* (Чего не знал Кренцхен, того не будет знать Кренц). Эгон Кренц был последним председателем Государственного совета ГДР.

Коренные преобразования в жизни страны проходили далеко не безболезненно в плане самоидентификации граждан бывшей ГДР.

В. Вайденфельд охарактеризовал эту ситуацию следующими словами: «Восточные немцы хотели стать западными, не отрекаясь от собственного ‘Я’» [Вайденфельд, 1998, с. 257; цит. по: Орлов, 2012, с. 20]. Это предполагало и сохранение своих речевых особенностей, т.е. особенностей лингвокультуры в ГДР¹. Они, однако, часто «выдавали географическое происхождение» человека. Эти речевые различия были весьма явными, так что их замечали не

¹ В ГДР и в ФРГ за 40 лет сформировались два разных вида коммуникативного сознания и, соответственно, различная практика речевой коммуникации (см. об этом подробнее: [Трошина, 2015]).

только лингвисты, но и обычные носители немецкого языка. Появилось даже выражение *gespaltene Zunge* (разделенный язык).

В этой языковой ситуации при поддержке Германского научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG) был выполнен проект «Отчуждение в родном языке: Изменения в речевой практике и языковая лояльность в новых федеральных землях», результаты которого были представлены в книге руководителей проекта У. Фикс и Д. Барт «Языковые биографии: Язык и речевая практика до и после перемен 1989 года в воспоминаниях современников из ГДР: Содержание и анализ нарративно-дискурсивных интервью» [Fix, Barth, 2000]. Интервью рассматривается как звено, соединяющее историю речевой практики (*Sprachgebrauchsgeschichte*) и отдельные истории использования языка в конкретных жизненных ситуациях (*Sprachgebrauchsgeschichten*). Зафиксированные новые языковые факты свидетельствуют об инновациях в языковом сознании восточных немцев, обусловивших у них (немцев) чувство культурной отчужденности в новой коммуникативной реальности. Это, с одной стороны, заставляло их быть особенно осторожными в своем речевом поведении, а с другой – стимулировало интерес к использованию родного языка, т.е. развивало языковую рефлексия. По наблюдениям У. Фикс, наиболее охотно информанты обсуждали следующие темы: 1) жестко предписанный властью официальный язык в ГДР; 2) языковое приспособленчество граждан, т.е. смену ими языкового кода в зависимости от ситуации. Из проведенных интервью со всей очевидностью следует, что «обсуждение коммуникативно-речевого самочувствия воспринимается людьми как обсуждение общественно-политической ситуации» [Fix, 2000, S. 29].

Вербальные и общесемиотические изменения публичного дискурса в восточногерманских землях в конце 80-х – начале 90-х годов были наиболее ярким проявлением инноваций в стилевой системе немецкой лингвокультуры, обусловленных масштабными геополитическими трансформациями в XX в. В заключение можно констатировать, что к настоящему времени, т.е. за 30 лет (за время жизни двух поколений), сложился новый общегерманский публичный дискурс.

Список литературы

1. Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 1998. – 21 с.
2. Вайденфельд В. Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии // Россия и Германия в Европе. – М., 1998. – С. 252–262.
3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002. – 379 с.
4. Гутник В.П. Объединенная, но не единая: Десять лет экономической и социальной интеграции Германии // Объединенная Германия: Десять лет: Проблемно-тематический сборник. – М., 2001. – С. 38–89.
5. Дубинина А.П. Полистилистическая выраженность современной культуры. Искусство и культура. – Витебск, 2012. – № 3 (7). – С. 80–85.
6. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 1996. – 273 с.
7. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: От клинописи до Интернета. – М., 2009. – 584 с.
8. Орлов Б.С. Проблемы идентичности в современной Германии: Аналит. обзор. – М., 2012. – 74 с.
9. Скворцов Л.В. Цивилизационные размышления: Концепции и категории постцивилизационной эволюции. – М., 2016. – 384 с.
10. Трошина Н.Н. Культура языка и языковая рефлексия: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. – М., 2010. – 61 с.
11. Трошина Н.Н. Роль концептуальных опор дискурса в формировании социальной перцепции: (На примере концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА) // Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – С. 248–256.
12. Устюгова Е.Н. Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля. – СПб., 2006. – 260 с.
13. Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. Михальченко В.Ю. – М., 2016. – 872 с.
14. Fix U. Fremdheit versus Vertrautheit. Die sprachlich-kommunikativen Befindlichkeiten von Sprachteilnehmern der DDR und ihre Reaktion auf die Destruktion der kommunikativen «Selbstverständlichkeiten» des Alltags durch die politische Wende von 1989 // Fix U., Barth D. (Unter Mitarbeit von Beyer F.). Sprachbiographien: Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR: Inhalte und Analysen narrativ-diskursiver Interviews. – Frankfurt a.M., 2000. – S. 15–54.
15. Fix U., Barth D. (Unter Mitarbeit von Beyer F.). Sprachbiographien: Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR: Inhalte und Analysen narrativ-diskursiver Interviews. – Frankfurt a.M., 2000. – 719 S.
16. Hoffmann G. Sprachliche Deritualisierung und kommunikativer Wandel durch den gesellschaftlichen Umbruch in der DDR. – Frankfurt a.M., 2010. – 442 S.
17. Klein J. Sprache, Macht und politischer Wettbewerb // Klein J. Grundlagen der Politolinguistik: Ausgewählte Aufsätze. – B., 2014. – S. 13–27.

18. *Scharnhorst J.* Sprachsituation und Sprachkultur als Forschungsgegenstand // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: Aktuelle Sprachprobleme in Europa. Mit Geleitwort von E. Ining. – Frankfurt a.M., 1995. – S. 13–34.
19. *Troschina N.* Kommunikativer Kontext und stilistische Frames // Totalitäre Sprache – Langue de bois – Language of dictatorship. – Wien, 1995. – S. 93–104.
20. *Wolf Chr.* Rede am 4. November auf dem Alexanderplatz. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.berlin-mauer.de/videos/christa-wolf-alexanderplatz-kundgebung-berlin-ost-november-1989--832/> (Дата обращения: 22.02.2017 г.).
21. *Wolf Chr.* Sprache der Wende: Rede am 4. November auf dem Alexanderplatz // Germanistische Linguistik: Sprache und Kommunikation in Deutschland Ost und West. – Göttingen, 2008. – S. 192–194.

References

1. *Bakach N.B.* Kul'turnaja paradigma kak objekt social'no-filosofskogo analiza: Avtor. dis. ... kand. filos. nauk. – Volgograd, 1998. – 21 s.
2. *Vajdenfel'd V.* Kuda idut nemcy? O moral'no-politicheskom budushhem objedinennoj Germanii // Rossiya i Germanija v Evrope. – M., 1998. – S. 252–262.
3. *Veprevva I.T.* Jazykovaja refleksija v postsovetSKUju jepohu. – Ekaterinburg, 2002. – 379 s.
4. *Gutnik V.P.* Objedinennaja, no ne edinaja: Desjat' let jekonomicheskoi i social'noj integracii Germanii // Objedinennaja Germanija: Desjat' let: Problemmotematicheskij sbornik. – M., 2001. – S. 38–89.
5. *Dubinina A.P.* Polistilisticheskaja vyrazhennost' sovremennoj kul'tury Iskusstvo i kul'tura. – Vitebsk, 2012. – N 3 (7). – S. 80–85.
6. *Ionin L.G.* Sociologija kul'tury. – M., 1996. – 273 s.
7. *Mechkovskaja N.B.* Istorija jazyka i istorija kommunikacii: Ot klinopisi do Interneta. – M., 2009. – 584 s.
8. *Orlov B.S.* Problemy identichnosti v sovremennoj Germanii: Analit. obzor. – M., 2012. – 74 s.
9. *Skvortsov L.V.* Civilizacionnye razmyshlenija: Konceptii i kategorii postcivilizacionnoj jevoljucii. – M., 2016. – 384 s.
10. *Troshina N.N.* Kul'tura jazyka i jazykovaja refleksija: Analit. obzor. – M.: INION RAN, 2010. – 61 s.
11. *Troshina N.N.* Rol' konceptual'nyh opor diskursa v formirovanii social'noj percepcii: (Na primere koncepta BERLINSKAJA STENA) // Chelovek oshhushhajushhij: Percepcija v sovremenном gumanitarnom znanii. – M.: INION RAN, 2015. – S. 248–256.
12. *Ustjugova E.N.* Stil' i kul'tura: Opyt postroenija obshhej teorii stilja. – SPb., 2006. – 260 s.
13. Jazyk i obshhestvo: Jenciklopedija / Gl. red. Mihal'chenko V. Ju. – M., 2016. – 872 s.

14. *Fix U.* Fremdheit versus Vertrautheit. Die sprachlich-kommunikativen Befindlichkeiten von Sprachteilnehmern der DDR und ihre Reaktion auf die Destruktion der kommunikativen «Selbstverständlichkeiten» des Alltags durch die politische Wende von 1989 // *Fix U., Barth D.* (Unter Mitarbeit von Beyer F.). Sprachbiographien: Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR: Inhalte und Analysen narrativ-diskursiver Interviews. – Frankfurt a.M., 2000. – S. 15–54.
15. *Fix U., Barth D.* (Unter Mitarbeit von Beyer F.). Sprachbiographien: Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR: Inhalte und Analysen narrativ-diskursiver Interviews. – Frankfurt a.M., 2000. – 719 S.
16. *Hoffmann G.* Sprachliche Deritualisierung und kommunikativer Wandel durch den gesellschaftlichen Umbruch in der DDR. – Frankfurt a.M., 2010. – 442 S.
17. *Klein J.* Sprache, Macht und politischer Wettbewerb // *Klein J.* Grundlagen der Politolinguistik: Ausgewählte Aufsätze. – B., 2014. – S. 13–27.
18. *Scharnhorst J.* Sprachsituation und Sprachkultur als Forschungsgegenstand // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: Aktuelle Sprachprobleme in Europa. Mit Geleitwort von E. Ising. – Frankfurt a.M., 1995. – S. 13–34.
19. *Troschina N.* Kommunikativer Kontext und stilistische Frames // Totalitäre Sprache – *Langue de bois* – *Language of dictatorship*. – Wien, 1995. – S. 93–104.
20. *Wolf Chr.* Rede am 4. November auf dem Alexanderplatz. – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://www.berlin-mauer.de/videos/christa-wolf-alexanderplatz-kundgebung-berlin-ost-november-1989--832/> (Data obraschenija: 22.02.2017 г.).
21. *Wolf Chr.* Sprache der Wende: Rede am 4. November auf dem Alexanderplatz // Germanistische Linguistik: Sprache und Kommunikation in Deutschland Ost und West. – Göttingen, 2008. – H. 192–194.